

Иоганн Георг Гмелин

Путешествие по СИБИРИ

Тюрки
Красноярского уезда
и их шаманы

Выдающийся исследователь Сибири Иоганн Георг Гмелин родился в 1709 г. в немецком городе Тюбингене. Начав посещать университетские занятия в 13 лет, к 18-ти годам он уже написал диссертацию и в 1727 г. отправился в Петербург. Там в 1731 г. 22-летний ученый получил должность профессора Петербургской Академии. Европейскую славу Гмелин приобрел своими научными исследованиями, проведенными во время путешествия в составе Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции 1733–1743 гг. Вскоре после возвращения из Сибири Гмелин вернулся в родной Тюбинген, где до самой смерти, последовавшей в 1755 г., был профессором ботаники и химии.

Название Второй Камчатской экспедиции, возглавленной Витусом Берингом, не совсем точно передает смысл этого грандиозного проекта, аналог которому трудно подыскать в человеческой истории. Начиналось все с постановки довольно узкой задачи — решить вопрос о существовании пролива между Америкой и Евразией. Первая Камчатская экспедиция 1728 года, своего рода завещание Петра Великого, была не слишком успешной и ответа на этот вопрос не дала. Вторая в этом отношении оказалась куда более удачливее. Но по мере подготовки к ней — в том числе и по инициативе совсем юной, но взявшей очень хороший разбег Петербургской Академии (а среди ее членов тогда было несколько по-настоящему великих ученых) — сугубо географическую задачу значительно расширили. Помимо вопроса о проливе, в список основных целей экспедиции добавили картографирование неизученных российских территорий от Северной Двины до Камчатки, классификацию животного и растительного мира этих районов (включая огромную Сибирь), перспективную оценку объемов полезных ископаемых, этнографическое и историческое описание коренных народов, изучение их языков, организацию хозяйственной деятельности и многое другое. Разумеется, без привлечения ученых к этим работам было не обойтись. Поэтому один из семи отрядов экспедиции (их обслуживало 13 специально для этого построенных кораблей, а общее число участников приблизилось к 5-ти тысячам человек, что и по сегодняшним меркам впечатляет) стал академическим — он занимался исследованием внутренних областей Сибири. Гмелин входил в его состав.

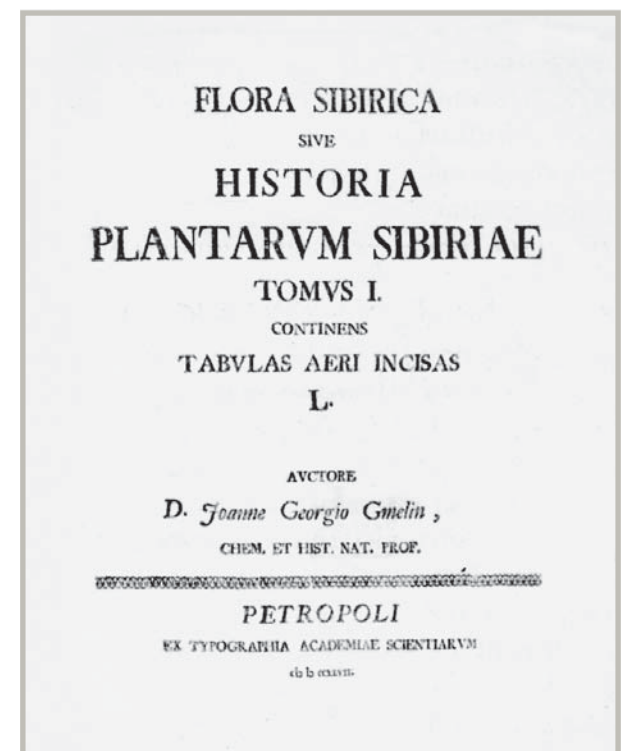
Материалы, собранные в Сибири, ученый обработал в ряде ботанических трудов — в частности, в фундаментальной «Флоре Сибири», заключительные тома которой были изданы Академией наук в 1760-е годы, уже после смерти ученого. Знаменитый Карл Линней говорил, что в Сибири Гмелину удалось открыть больше новых видов растений, чем всем остальным ботаникам, вместе взятым.

Витус Беринг

Но «Флора Сибири» — это пусть и блестящий, но результат исполнения академических обязанностей, то есть необходимый отчет о научных трудах, представленный в Академию. А вот четырехтомного «Путешествия по Сибири» («Reise durch Sibirien»), изданного в Германии в 1751–1752 гг. и до сих пор не переведенного на русский язык, от него никто не требовал и не ждал. Описание материальной и духовной культуры сибирских народов не входило в круг непосредственных задач Гмелина (это было поручено его спутнику и другу профессору Г. Ф. Миллеру).

Первый том «Флоры Сибири», написанной Гмелиным на материале сибирских исследований

Но, тем не менее, эта книга появилась. Более того, она не могла не появиться. Гмелин, подобно большинству своих коллег-современников, являл собой тип ученого-энциклопедиста, не делившего науку на узкоспециальные отделы. Вообще говоря, он интересовался всем. Это был человек, глядевший на мир широко открытыми внимательными глазами. И в любой области, какой бы Гмелин ни касался, он добивался важных результатов. Диссертацию в Тюбингене он защищал по медицине, в Петербурге работал профессором химии и натуральной истории, в академический отряд был зачислен, как ботаник, а его «Путешествие по Сибири» открыло нам дотошного этнографа и замечательного литератора. Это стоит отметить.

«Охота видеть много нового побудила нас к этому дальнему и трудному путешествию...» (И. Г. Гмелин). Фрагмент Генеральной карты Российской империи 1745 года. Перед нами не музейный экспонат, карта много поработала за свою жизнь, и это отразилось на ее состоянии — какие-то куски оказались утрачены. Но это не мешает нам проследить маршрут гмелинского путешествия по Сибири в 1733–43 гг. и поразиться его масштабу.

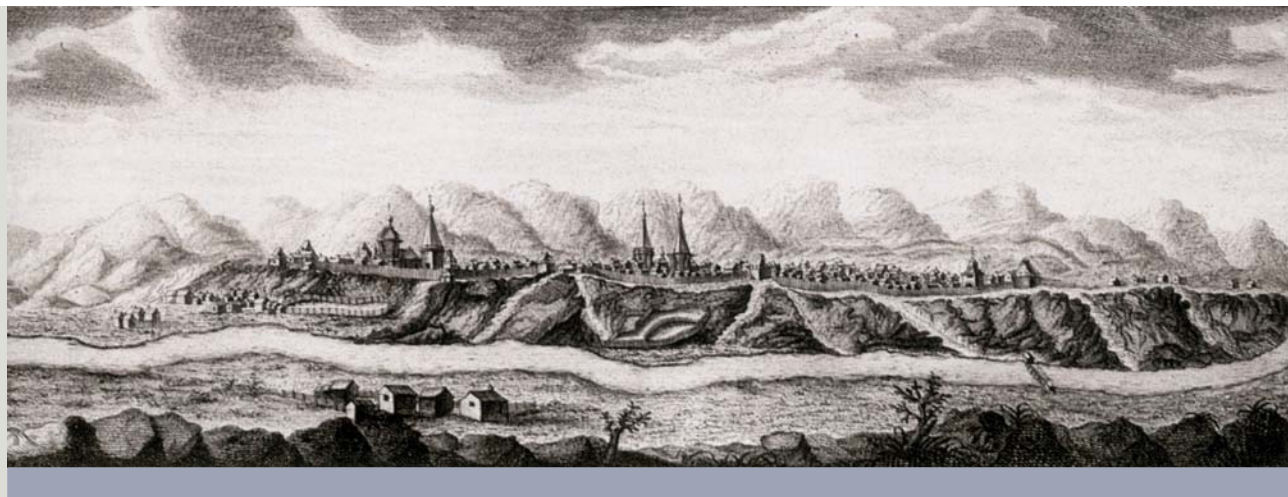
Содержание «Путешествия...» составляют сведения об обстоятельствах десятилетней экспедиции академического отряда, характеристики различных регионов Сибири, зарисовки быта и культуры аборигенных народов и русских, данные о торговле и промыслах, естественнонаучные наблюдения и археологические материалы.

- 1 — Тюмень; 2 — Тобольск; 3 — Омск;
 4 — Семипалатинск; 5 — Томск; 6 — Туруханск
 (Мангазей); 7 — Енисейск; 8 — Красноярск;
 9 — Абакан; 10 — Иркутск; 11 — Кяхта;
 12 — Чита; 13 — Нерчинск; 14 — Аргун;
 15 — Якутск

Немало страниц в этой книге посвящено описанию шаманской практики, не на шутку, судя по всему, занимавшей путешественника. Как и многие другие европейцы, попадавшие в те времена в Сибирь, Гмелин считал, что шаманизм — своего рода доходное ремесло. Наблюдательный ученый с нескрываемой иронией описывает камлания шаманов, называемых им колдунами. По его мнению, эти камлания представляют собой не более чем набор разнообразных ухищрений, направленных на то, чтобы заставить зрителей раскошелиться в любой форме, будь то скот, одежда, меха или другое имущество. При этом он дает вполне рационалистические объяснения «чудесам», на которые якобы способны «сильные» шаманы.

Ниже мы публикуем два фрагмента из 3-го тома «Путешествия по Сибири» — они связаны с работой академического отряда экспедиции в районах Южной Сибири, заселенных преимущественно ближайшими родственниками современных хакасов — качинцами. Согласно дневниковым записям Миллера, изображенная Гмелиным встреча ученых с шаманами Багдинского (правильнее — Бохтинского) и Ястинского улусов состоялась в ночь со 2 на 3 сентября 1740 г., когда отряд возвращался в Красноярск после обследования археологических памятников Минусинской котловины. Другой фрагмент относится ко времени пребывания отряда в Красноярске (с 7 октября 1739 г. по 2 февраля 1740 г.), а описанное камлание шаманов состоялось в ночь с 13 на 14 ноября 1739 г.

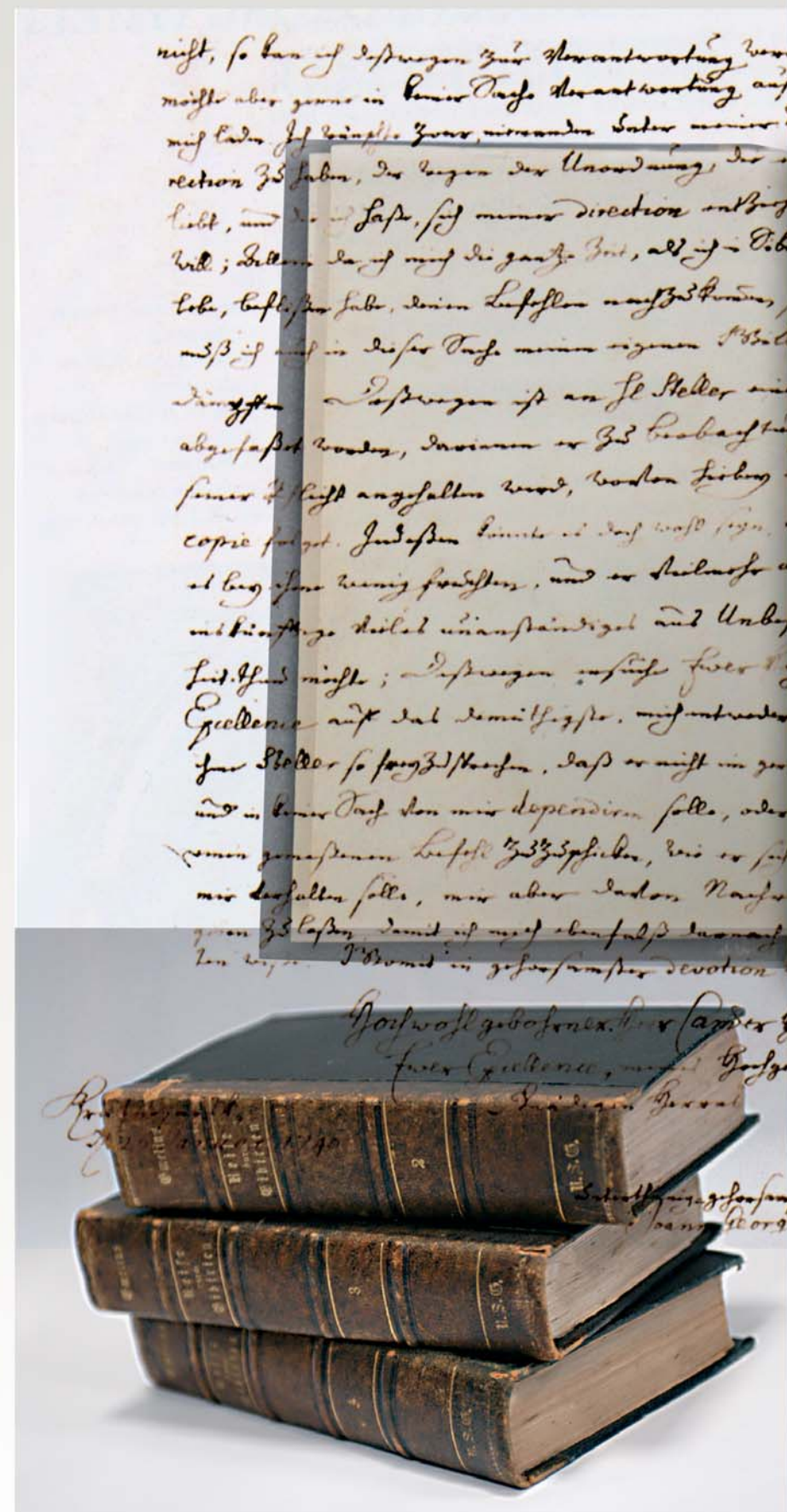

Красноярск в середине 18-го века

По утверждению Миллера, шаман не был качинцем, как это следует из гмелинского текста, а происходил из енисейских кыргызов: во время увода в начале XVIII в. основной массы кыргызов в Джунгарию он находился в Красноярске в качестве аманата (заложника).

Наконец, последнее замечание. Читая эти отрывки, нужно помнить, что перед нами не строго этнографическое сочинение. Это лишь один из первых подступов к пониманию жизни сибирских аборигенов. Поэтому не стоит удивляться тому, что шаманы в описании Гмелина предстают исключительно корыстолюбивыми обманщиками, претендующими на звание колдунов (в действительности особенным богатством шаманы никогда в среде своих соотечественников не отличались), а духов, с которыми они якобы, по Гмелину, общаются, он называет чертями, безусловно относя к миру нечистой силы. Тут много неточностей, объясняемых недостаточным знакомством с космогонией и метафизикой шаманизма, равно как и с духовной и социальной структурой общества тех же качинцев. Но при этом Гмелин добросовестно пытается все это узнать и понять. А для начала записать то, что он видел. Всякая серьезная наука начинается с честного наблюдения и описания. Время анализа наступает чуть позже. И очень важно, чтобы описателем выступал человек неравнодушный, любопытный — по-другому, влюбленный в мир, в котором он живет.

Именно таким человеком был Гмелин.

Письмо Гмелина
президенту Академии
из Красноярска
от 26 января 1740 г.

Первое издание
«Путешествия
по Сибири»

Тюрки Красноярского уезда и их шаманы

Перевод и публикация
доктора исторических наук
А. Х. Элрта

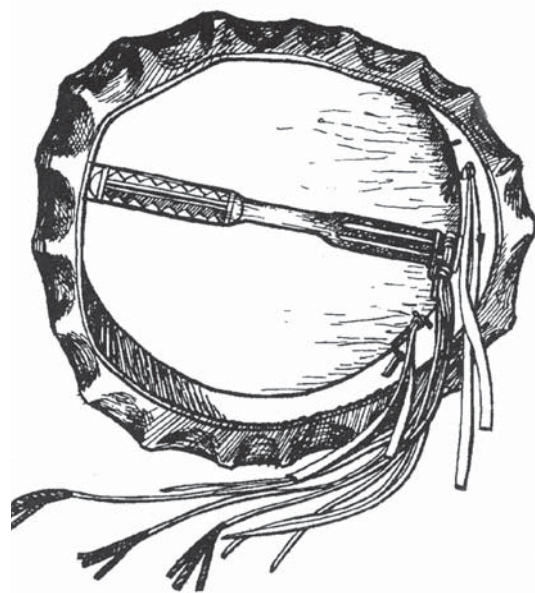
Вскоре после горы Ирджи мы прибыли к Воровской протоке, являющейся рукавом реки возле левого берега. Ее название происходит от енисейских кыргызов, живших вдоль нее в старые времена. Остров, который она образует и который мы также оставили слева, — длиной приблизительно в восемь верст. Ниже конца этого острова за указанной протокой мы высадились на берег. Когда мы прибыли, начало темнеть. Там стояли качинские юрты, и мы пригласили к себе нескольких колдунов и колдуний. Из них, однако, в тот момент здесь были только один колдун из Багдинского улуса и одна колдунья из Ястинского улуса. Ночью они показали нам замечательный спектакль.

Тут я хочу подчеркнуть, что не следует пугаться

ужасных названий «колдун» и «колдунья». Исходя из моего длительного опыта общения с этими людьми, я совершенно уверен в том, что они не замышляют ничего недоброго. Тем более, они, конечно, не панибратствуют с дьяволом и не в состоянии совершать ничего, что противоречило бы законам природы. Если же дьявол не может большего, чем эти люди, то он в высшей степени неумел. Таким образом, они никакие не колдуны. Но вместе с тем они являются сибирскими колдунами, то есть людьми, которые используют владеющие черную суеверия для того, чтобы с их помощью без особых усилий обеспечивать себе безбедное существование. Меня могут упрекнуть — зачем же я тогда при всяком удобном случае снова и снова завожу разговор о колдунах? Я просто хочу показать, какими разнообразными способами они проделывают свои

Костюм хакасского шамана, вид спереди и сзади. Из книги: Н. А. Алексеев. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1984

Бубен шамана. Из книги: Л. В. Мельникова. Тофы. — Иркутск, 1994

мошенничества, и описать, насколько это возможно, все их профессиональные приемы. Отдельный колдун иногда случайно демонстрирует их не все или же из плутовства старается утаить.

Как теперешний колдун, так и колдунья недавно стали занимать свои почетные должности, о чем можно было судить по их одежде, почти новой. Отец колдуна, равно как и бабка колдуньи, занимались точно таким же ремеслом. А потому они считали себя знатными и предлагали нарисовать нам родословное дерево, указав свою колдовскую линию, кажется, вплоть до седьмого колена. В глазах языческой черни это действительно почетная должность, которой достойны лишь избранные, и тот, в ком струится кровь многих почтенных предков, всегда считается для этого наиболее способным. Нас, однако, не очень убедил этот довод.

Одежда колдунов мало отличалась от той, что мы видели до сих пор. Они увешали ее сверху донизу множеством шкурок зверьков, орлиными крыльями и парой пудов железных побрякушек. Шапка колдуна была украшена пучком перьев, шапка колдуньи тоже была украшена необычайно большим количеством перьев, и когда она ее надевала, перья почти полностью закрывали ее лицо. Кожаные чулки (унты), которые относились к этой одежде и которые никогда не надевают без нее, у колдуньи были спереди повдоль обшиты красной шерстяной тканью, а по краям этой шерстяной ткани вышиты конским волосом. На чулках колдуна поверх ступней присутствовало такое же украшение в форме креста. Бубен колдуньи был меньше, чем у колдуна. Колотушки для бубнов у обоих были шире, чем обычно, а на их верхней стороне, которую не касаются бубна, для украшения находилось много маленьких железных колец — они во время битья в бубен немало способствовали усилению шума, производимого железками, висевшими на одежде, и бубном.

Колдовство несколько разнилось с виденным нами раньше. Прежде чем приступить к его описанию, прошу моих читателей взять пример с меня и набраться немного терпения — оно им пригодится.

Колдуны выступали по очереди. Оба начали с того, что сели своим обычным татарским манером на землю, а именно: прямо напротив двери. Бубен они держали вертикально перед лицом и били в него без особого шума, сопровождая удары тихим бормотаньем. Бормотанье становилось все быстрее и громче — до тех пор, пока не превратилось в настоящее неистовство. Внезапно колдуны вскочили и, не оставляя в покое бубна, в который они, напротив, продолжали бить страшным образом, принялись скакать на месте, кричать разными голосами, шипеть, свистеть и бубнить. Все это продолжалось около четверти часа. Затем они стали совершать прыжки в сторону двери и по всей юрте, что должно было считаться приманиванием чертей. Самый сильный шум был возле двери. Вдруг крикуны, застыв, направили свои взоры вверх — туда, где

Шаманка въ Красноярскѣмъ Азѣѣ.
Eine Schamanka im Krasnojarskischen District.
Une Chamane ou Devineresse du district de Krasnojarsk.

Качинская шаманка. Из книги: Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799

в юрте выходит наружу дым. Это означало, что через дымовое отверстие только что будто бы пожаловали черти. Следившие за этим татары тотчас побрызгали водой из ложек в указанном направлении, предложением питья как бы упрасивая чертей легче склониться к переговорам с их приятелями-колдунами.

Далее последовали фиглярство и новые прыжки, и фигляры на манер своеобразного напева продолжили свои речи. На этот раз эти речи изображали разговоры колдуна и колдуньи с чертями. Колдун особенно часто подражал голосу кукушки, и некоторые татары отвечали ему издали такими же голосами. Время от времени кто-нибудь из участников представления кричал колдуну прямо в ухо, на что он, со своей стороны,

отвечал, но при этом издавал столь поразительные звуки, что они должны были казаться слушателям голосом черта. После долгого фиглярства колдун и колдунья выпрыгнули из юрты, которую за ними закрыли. Однако все зрители, как того требовали обычаи или, возможно, суеверия, остались на своих местах. Отсутствие фокусников длилось недолго. Тут нужно заметить, что, начиная именно с этого момента, действия колдуна и колдуньи, до того бывшие одинаковыми, стали отличаться друг от друга.

Еще немного попрыгав по юрте, колдун стал бросать свою колотушку от бубна по очереди каждому из присутствовавших татар. А когда поймавший возвращал ее колдуну, тот предсказывал ему отменное здоровье в будущем. На этом спектакль подошел к концу — в самом финале шапка свалилась с головы колдуна. Татары уверяли, что это случилось лишь благодаря силе колдовства, поскольку ни сам колдун, ни кто-либо из зрителей этой шапки не трогал. Колдун снял колдовскую одежду и переоделся в свою обычную.

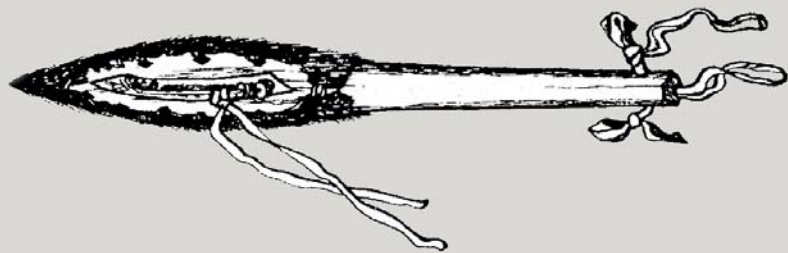
Теперь на сцену выступила колдунья. Сначала она в точности повторяла то, что делал до нее колдун, как я о том уже упоминал, — не единожды выбегала из юрты и вновь возвращалась, постоянно при этом прыгая и брякая украшениями. А когда она вошла в последний раз, то пропела, что сегодня собирается долго колдовать и веселиться, если только это будет приятно зрителям. Зрители дружно заверили ее в том, что им это будет приятно. Так она спрашивала, а татары отвечали несколько раз. Затем в огонь бросили вид благовоной полыни (по-татарски, ирбен), что, по мнению татар, должно было способствовать удаче в предстоящих действиях.

Раз за разом колдунье подали семь чашек с водой, остающейся после выгонки молочной водки. Выпив очередную чашку, она выпрыгивала из юрты. Далее колдунья получила семь китайских табачных трубок (ганза), набитых китайским табаком, и выкурила их одну за другой, после каждой точно так же выпрыгивая из юрты и точно так же проворно возвращаясь. Когда дело дошло до последней трубки, она притворилась, что совсем лишилась чувств, а потому ее держали, но вскоре она как бы пришла в себя. Однажды колдунья сделала вид, будто у нее трубку украли, и с помощью своего бубна пыталась определить вора среди присутствовавших. Для этого она била в бубен, кружась возле каждого зрителя, но так и не смогла обнаружить преступника. Тогда колдунья заявила, что это черти подшутили над ней, похитив трубку. После громких и грубых упреков, ею высказанных, черти раскаялись.

В доказательство этого трубка неожиданно нашлась в колдовском бубне — к нему, по-видимому, черти испытывали особое почтение.

Наконец, зажгли семь лучин, которые колдунья сожрала горящими, вновь выбегая наружу после употребления каждой лучины, как это было и раньше. Вернувшись в последний раз, притворщица прокатила свой бубен по помещению и, напевая, сообщила, что в эту ночь она, если только на то будет воля зрителей, хочет быть веселой. Ей вновь ответили утвердительно. Несколько раз она (все это по-прежнему сопровождалось прыжками и убеганием на улицу) бросала колотушку от своего бубна одному татарину — это было приглашением на танец. Татарин в конце концов поднялся, и парочка встала напротив друг друга: татарин — справа, а колдунья — слева. Они подали руки друг другу и трижды наклонили головы, что мне напомнило немецкие танцы. Затем танцор трижды, прыгая, прошелся вокруг колдуньи, после чего вернулся на свое место. Таким же образом она станцевала с шестью другими мужчинами, а также с семью бабами. Правда, народу здесь было меньше, чем требовалось для этого, — поэтому колдунье пришлось танцевать с кем-то по два раза. Так как некоторые из танцоров и танцовщиц оказались очень неумелы, а колдунья находилась в крайнем возбуждении, то она много подшучивала над ними. Все это было столь необычно и забавно для европейца, что, пожалуй, рассмешило бы самого Катона со всей его серьезностью.

После танцев наша колдунья с новой силой забарабанила в свой бубен. В огонь вновь бросили вышеупомянутой травы, и колдунья окурила ею свою одежду и бубен. Еще немного попрыгав, она, подобно своему предшественнику по фиглярству, трижды бросила колотушку от бубна каждому из зрителей и предсказала им, что они будут отменно здоровы. Закончив свои предсказания, она притворилась в высшей степени веселой и стала ждать, не упадет ли ее шапка с головы сама собой. При этом, подсмеиваясь над выступавшим до нее колдуном, трясла головой изо всех сил.

Колотушка шамана.
Из книги: Л. В. Мельникова. Тофы. — Иркутск, 1994

Но шапка не хотела падать, и, посчитав, что чуда придется ждать слишком долго, она сняла ее сама, переменяла одежду и этим закончила спектакль.

Несмотря на непрерывное четырехчасовое движение, колдунью по внешнему виду никак нельзя было считать утомленной. Быть может, заметив, что мы уже пресытились представлением, она благоразумно решила сократить свое выступление — не дожидаясь знаков нетерпения с нашей стороны. Другие колдуны и высланные за ними люди к тому времени еще не прибыли. А потому мы отправились спать.

<...>

Многочисленные татары, среди которых мы находились в конце этого года, имеют черты лица, не кажущиеся европейцу неприятными. Глаза у них неглубоко посаженные, лица не плоские и не широкие, носы также не плоские, и все это близко к европейскому типу. Большинство татар довольно высокого роста. Среди них редко можно встретить уродливого человека или такого, который бы был чрезмерно толст. В массе своей они худые, при этом бодрые и расторопные, склонные к торговым сделкам, общительные, обходительные, довольно болтливые, но все же честные и искренние. Только, как говорят, при торговле с ними нужно быть осторожным, ибо кого-либо обмануть они считают искусством. Татары объясняют это тем, что никто не обязан совершать торговую сделку с товаром, в котором он не разбирается, а если человек полагает, что знает в этом толк, то у него точно такие же глаза, как и у продавца, и если кто-то позволяет себя обмануть, то это чистейшее простодушие. Нет сведений, чтобы они занимались грабежом на большой дороге, чтобы они обкрадывали друг друга или русских или преднамеренно причиняли кому-либо страдания. Почти ничего не слышно о распутстве и пьянстве среди них, но все же они не совсем свободны от этих пороков — выше я рассказывал о татарине, насквозь пораженном сифилисом.

Поскольку у них довольно много скота, в особенности лошадей, то у них, как и у других язычников, употребительна водка, которую они гонят из кобыльего молока. Когда татарин имеет порядочный запас этой водки, то не может удержаться от того, чтобы не порадовать ею себя. Посещая русские деревни и города, татары иногда заглядывают в кабаки или у знакомого русского выпивают на несколько чашек водки или пива больше, чем в состоянии выдюжить. В целом же будет правильно сказать, и я должен это подтвердить, что они подвержены излишествам лишь в небольшой степени.

Общим с другими языческими народами у них является то, что они — как мужчины, так и женщины — с удовольствием курят табак и приохочиваются к этому уже с десяти или двенадцати лет. Более всего им приятен китайский табак, а черкасский курят лишь бедные, которые смешивают его с мелкими стружками

Качинская девушка с лица.
Ein Katschinskisches Mädchen vorwärts.
Fille tatarre de Katchin par devant.

Качинская девушка. Из книги: Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799

из березовой коры; это делается отчасти из экономии, а отчасти для уменьшения крепости табака.

Татары испытывают чувство священного благоговения по отношению к умершим, а в особенности — к своим прародителям. Хотя им и известно, что в разграбленных могилах их предков найдено множество сокровищ, все же не было слышно, чтобы у кого-то из них возникло желание обогатиться таким образом. И это несмотря на то, что у них для этого имеются наилучшие возможности, ибо они живут рядом с этими погребениями. Они берут двух, трех и до четырех жен, однако бедные довольствуются и одной женой. О чистоте они не заботятся, и это в некоторой степени лишает приятности их черты лица. Женщины, в том

числе и считающиеся у них красивыми, очень похожи на наших нечистоплотных скотниц, а мужчины — на скотников.

Татары до сих пор совершенно не знакомы ни с какой религией и являются самыми настоящими упрямыми язычниками. Вы не встретите магометанина, который мог бы похвалиться тем, что ему удалось склонить к своему неверию хотя бы одного из них; ни один монгол не сумел расположить их к своим суеверным пилюлям, глиняным амулетам или другим кумирам. К сожалению, и христианская религия точно так же еще мало принята ими, несмотря на то, что предпринимались некоторые попытки в этом отношении. Когда их склоняют к какой-нибудь религии, они указывают на могилы своих предков и говорят: грабежи этих могил доказали всем, какие знатные и богатые люди были их предки, и как временами у них все шло как нельзя лучше. Все это было при той вере, которая от этих предков передалась по наследству к ним. Только они, вероятно, в некоторых делах не так строго придерживаются своих старых обычаев и обрядов, что и привело к упадку их жизни, и этот упадок быстро возрастет, если они совсем изменят своей вере.

Как только мы прибыли в Красноярск, господин профессор Миллер позаботился о том, чтобы мы увиделись здесь с несколькими качинскими колдунами и колдуньями, за которыми мы уже посылали во время путешествия, но не получили их. Они, говорят, надевали другую одежду, а их ремесло было иного рода, чем у встреченных нами ранее колдунов. Наконец, прибывшие колдун и колдунья пригласили нас на ночь в татарскую юрту, находившуюся в городе, показать свое искусство. Мы отправились туда и встретили значительное собрание татар. Чтобы не терять напрасно времени, мы велели сразу приступить к делу.

Женщина, которая была уже в годах, а потому пользовалась уважением у колдуна, начала первой. Она сняла свою обычную одежду, но при этом все же осталась, дабы не нарушить благопристойности, в своей скверной рубахе и штанах — поверх она надела колдовское одеяние. Это был халат из голубой китайки (китайская хлопчатобумажная материя), обшитый красной китайкой, а сзади на плечах обвешанный несколькими длинными цветными нитями с прикрепленными к ним маленькими фарфоровыми раковинами. Халат она повязала поясным ремнем, что было достопримечательным, поскольку у татар поясные ремни (кушаки) носят только девушки и мужчины. На ноги колдунья надела кожаные сапоги, окрашенные в красный цвет ольховой корой и не имевшие ни каблучков, ни каких-либо украшений. Шапка была круглой, сверху заостренной. Она состояла из меха, взятого с живота рыси, и была опушена соболями. А вместо кисти из верхушки шапки торчали совиные перья — точно так же, как они топорщатся у сов. Бубен ничем не отличался от виденных нами до сих пор.

Колотушка бубна была обтянута бобровой шкурой.

Колдовское действие почти совпадало с тем, что относится ко времени водного путешествия и описано мною, разве что не доставало многого, связанного с бойкостью тогдашней колдуньи. Кроме того, здешние слушатели больше вмешивались в спектакль со своим пением, а колдунья только один раз выбегала из юрты, но зато очень часто выглядывала из нее. Однажды, а именно в тот момент, когда, как сказали, прибыли черти, у нее был вид совершенно лишившейся чувств. Поэтому сзади ее в это время поддерживали зрители и участники, а спереди производилось окуривание благовонной полынью, к каковому действию прибегали и в вышеупомянутом колдовстве. Чтобы убедиться в действенности помощи, под подошву сапога колдуньи просунули нож, и им подняли ее ногу вверх. В эту минуту в огонь бросили горсть китайского табаку. Это тоже соответствовало нашим прежним наблюдениям. Только на этот раз табак бросали трижды, а в

Бубен енисейской шаманки, описанный Н. Ф. Катановым в 1897 г.

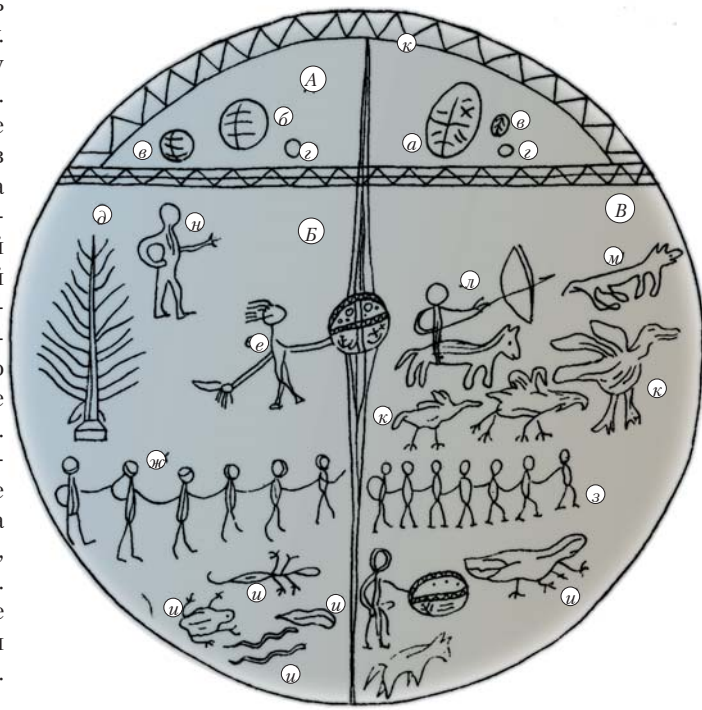
А — небесный мир:

а — солнце, б — луна, в — Венера, г — звезды;

Б — подземный мир:

Δ — священная береза, е — дух, патрон шамана, ж — желтые девицы, русалки, з — черные люди, и — воплощение духов: водяного и горного, к — вешние черные птицы, л — сам шаман, м — волк, н — горный дух;

В — три слоя земли, отделяющие небесный мир от подземного

направлении колдуньи — дважды. А так как подобным людям их знатное ремесло придает своего рода нахальства, то она попросила бросить в огонь еще немного табака, с тем, чтобы вещи большей степени расположить к себе чертей. Ее просьбу восприняли как приказ. Едва она прозвучала, как табак уже был в огне, после чего колдунья танцами и веселым пением засвидетельствовала всем свое удовольствие. Она также прибавила, что теперь господа черти обходятся с ней совершенно дружески, что бывает тогда, когда учтиво встречают столь больших господ. На том же основании в другой раз она попросила подать рубаху, висевшую около двери юрты, и пообещала ее чертям для увеселения — при условии, что те обойдутся с нею благосклонно. Если не забывать, что рубаха принадлежала не ей, а хозяйке юрты, то, конечно, щедрость колдуньи достойна всяческой похвалы. К тому же она прекрасно понимала, что эта просьба принесет ей больше выгоды, нежели черту.

Наконец, она сняла с себя одежду. А поскольку у колдуна не было с собой собственной колдовской одежды, то он облачился в одежду колдуньи, после чего тотчас начал свою игру, которую вел приблизительно в том же роде, что и колдунья. Кстати, ни он, ни она не подражали голосу кукушки, что обыкновенно входит в программу подобных спектаклей. Это, видимо, объясняется тем, что мы сказали ему прежде, чтобы он не слишком долго выкидывал свои фокусы. Поэтому до момента, когда колдун должен лишиться чувств, дело не дошло, а именно в этот момент употребителен крик кукушки. Вместо этого он иногда просил брызгать вверх водой, чего не было в выступлении колдуньи. И он, и колдунья в начале своего фиглярства некоторое время держали бубен перед огнем, поворачивались туда-сюда, а также выворачивали руки и ноги, будто бы тем самым

Шуба шамана. Из книги: А. В. Мельникова. Тофы. — Иркутск, 1994

увеличивая силу своего колдовства. Колдун закончил свою игру тем, что неподвижно устоял на колдунью и несколько раз громко прокричал ей; бубен он при этом опустил на землю и придерживал рукой. Затем колдунья также несколько раз обращала к нему лицо и корчила шутовские мины. После этого она встала и забрала у колдуна бубен — бубен был ее собственностью. А колдун снял колдовскую одежду.

(I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien. — Th. 3. — Göttingen, 1752. — S. 329–338, 344–354)